

— Идзаёй говорит просто, но сейчас тебе, Сакурако, важнее оттачивать собственное мастерство, а не забивать голову посторонними вещами. О создании сикигами стоит задумываться лишь тогда, когда твои способности достигнут определённого уровня, — строго сказала мама, Сатико.

— Но я так сильно хочу себе Хотаругусу! — Сакурако понурила голову.

— Хочешь? Тогда дядюшка поможет тебе её создать, — улыбнулся Идзаёй.

— Правда? Вот здорово! — обрадовалась девочка.

— Идзаёй, ну нельзя же так её баловать, рано или поздно ты её совсем испортишь, — с досадой заметила Сатико.

— Ха-ха-ха, это вполне в моих силах, да и дело-то нехитрое, — ответил Идзаёй.

Затем он добавил уже серьёзнее:

— Однако, Сакурако, если ты действительно заведёшь такого сикигами, это будет уже не то же самое, что призывать временных бумажных кукол. Это куда сложнее, чем ухаживать за домашним питомцем, и от этого существа уже нельзя будет просто так избавиться. Характер и способности сикигами напрямую зависят от того, как ты его воспитаешь. Ошибёшься в процессе — и результат может оказаться плачевным.

— Я знаю! Я буду очень стараться, ведь я стану её опекуном, — торжественно пообещала Сакурако.

Услышав это, Идзаёй улыбнулся:

— Договорились. В следующий раз, когда вернусь, я передам её тебе.

— Ура! — Сакурако от радости подпрыгнула на месте.

Наблюдая за этой сценой, Хигураси Кэнъити и Сатико лишь беспомощно переглянулись. Впрочем, им это было до боли знакомо — подобное случалось не раз. В доме Хигураси главным баловником был сам Идзаёй. Несмотря на то, что по возрасту он годился им в прадеды, он питал слабость к детям. У него, конечно, были свои принципы, но порой его мягкость ставила родителей в тупик.

Из-за того, что Идзаёй взял на себя роль доброго наставника, Кэнъити и Сатико приходилось быть строгими — кто-то же должен был играть роль злого полицейского. Да и тягаться с Идзаёем в доброте было невозможно: даже для Кэнъити и Сатико этот человек был

воплощением надёжности и тепла.

Глядя на своего дядюшку, который, казалось, никогда не менялся, Кэнъити невольно предавался воспоминаниям. Однажды он спросил Идзаёя, почему тот всегда так добр ко всем. Ответ тогда поразил его до глубины души. Всего несколько простых слов, но в них Кэнъити ощутил дыхание вечности: доброта — это и есть истинная сила.

Возможно, многим это не под силу, но тот, кто способен произнести такое, безусловно, очень силен и невероятно добр.

— Что такое, Кэнъити? — Идзаёй заметил его взгляд и обернулся с улыбкой.

— Да ничего, просто подумал, как быстро летит время. Юити и Сакурако уже совсем взрослые, — ответил Кэнъити.

— Это верно. Но смотрите в оба: пока Сакурако не исполнится двадцать, вы с Сатико ни в коем случае не должны давать согласие на то самое дело. Иначе я, старик, очень рассержусь, — Идзаёй улыбался, но в его взгляде промелькнуло нечто пугающее.

Кэнъити ничуть не удивился такой перемене — напротив, он ответил не менее опасной улыбкой:

— Разумеется. Если этот мальчишка хочет забрать у меня мою драгоценность, ему сначала придётся пройти через меня.

Услышав разговор дядюшки и отца, Сакурако густо покраснела. Она прекрасно знала, о чём речь — такие беседы случались постоянно.

— Дядюшка, папа, ну хватит придирается к Нобутомо! Он правда хороший, — попыталась она защитить своего парня.

Глупышка, разве ты не понимаешь, что чем больше ты его защищаешь, тем больше они будут недовольны? — подумала про себя Сатико, глядя на наивность дочери. Впрочем, она не была против, но и заступаться не спешила: она знала, что парень, укравший сердце её дочери, достоин уважения и искренне её любит. А давление со стороны старших? Что ж, это пойдёт ему только на пользу.

Наступило утро, день, когда Идзаёй должен был отправиться на службу в Правительство времени. Он проснулся в обычное время, и всё вокруг казалось таким же, как и всегда. Длинные тёмно-синие волосы были тщательно собраны на затылке. Одет он был так же, как вчера: белый каригину и пурпурная хакама.

Едва он закончил утренние сборы, как за дверью послышался голос:

— Дядюшка, можно войти? — это была Сакурако.

— Конечно,ходи, — отозвался Идзаёй.

Дверь сдвинулась, и в комнату вошла девушка в белоснежном кимоно и алой хакаме, неся поднос с завтраком и деревянную шкатулку.

— Что за официальность сегодня? — улыбнулся Идзаёй.

Сакурако поставила поднос на низкий столик перед ним и серьёзно произнесла:

— Это папа приготовил своими руками. Дядюшка, ты обязан всё съесть.

— Кэнъити? Давно он не стоял у плиты, интересно, не забыл ли, как это делается, — рассмеялся Идзаёй.

— Я уже попробовала, вкус вполне сносный, — ответила Сакурако.

Идзаёй уже собрался завтракать, но заметил, что девочка колеблется.

— Что-то случилось?

— Я... я хочу помочь тебе почистить твой короткий меч, — выпалила она, сначала запинаясь, но затем твёрдо глядя ему в глаза.

— О? Вот как. И правда, давно я им не занимался. Что ж, доверяю это тебе, Сакурако.

Идзаёй достал из-за пазухи короткий меч и передал его девушке. Сакурако глубоко вздохнула, открыла шкатулку и обеими руками бережно приняла оружие.

— Дядюшка, приступай к завтраку, я тоже начну, — сказала она.

Идзаёй кивнул:

— Хорошо.

Сакурако аккуратно положила меч себе на колени, сложила пальцы в сложный жест над

клинком и лишь затем прикоснулась к нему. Когда она извлекла лезвие, Идзаёй протянул руку и слегка провёл пальцами по стали. В тот же миг серый невзрачный металл преобразился — по клинку разлился ослепительно красивый узор. Сакурако затаила дыхание.

— Как красиво! — восхитилась она.

Идзаёй лишь мягко улыбнулся. Сакурако быстро взяла себя в руки и принялась за дело. Сначала она осторожно извлекла мэкуги — бамбуковый штифт, удерживающий рукоять. Затем, следя за тем, чтобы лезвие было направлено от неё, сняла рукоять. Третьим шагом была чистка пудрой, чтобы удалить старое масло. Она держала клинок левой рукой, а правой постукивала по нему пуховкой. Поскольку это был не обычный меч, Сакурако вкладывала в каждое движение свою духовную силу.

Когда тёплая, чистая энергия впиталась в металл, Идзаёй прикрыл рукавом каригину улыбку. Ему всегда нравилось, когда о нём заботятся, а особенно — когда это делает девушка, на глазах у которой он вырос. Он чувствовал себя так, словно его окутали тёплой водой.

После того как Сакурако закончила уход, Идзаёй почувствовал невероятную лёгкость. Меч, о котором заботятся с любовью, — это всегда прекрасно.

Затем последовал осмотр, нанесение нового слоя масла, ожидание, удаление излишков, повторная пудра и сборка. Сакурако работала сосредоточенно и бережно. Когда она наконец вернула меч в ножны, Идзаёй опустил рукав и мягко произнёс:

— Спасибо, Сакурако.

— Не за что, это мой долг. Ты ведь вечно такой неуклюжий, — упрямо ответила она.

— Ха-ха, — рассмеялся Идзаёй.

— Ой, дядюшка, почему ты почти ничего не съел? — заметила она, глядя на нетронутый завтрак.

— Прости, но теперь, когда меч в полном порядке, я совсем не чувствую голода, — виновато ответил он.

— Ладно, ничего страшного, папа, кажется, так и предполагал, — вздохнула Сакурако.

Внезапно выражение лица Идзаёя изменилось.

— Сакурако, помоги мне надеть маску, гости прибыли, — сказал он.

— Что! Так быстро? — лицо девушки вытянулось.

Тем не менее она быстро взяла лист белой бумаги и аккуратно закрыла лицо дядюшки, оставив открытой только нижнюю часть. Идзаёй всегда скрывал лицо, так как его внешность не соответствовала его истинному возрасту, а как Сёгудзи храма он часто общался с обычными людьми, и лишние вопросы были ни к чему.

Вещи были собраны ещё вчера, поэтому, налегке, Идзаёй вместе с Сакурако направился к выходу. Вместо деревянных гэта, в которых ходила Сакурако, он выбрал простые соломенные сандалии-дзори — в них было удобнее путешествовать.

У главных ворот их уже ждали Кэнъити, Сатико и лис-сикигами по имени Коносукэ.

— Прощу прощения, что заставил ждать, — сказал Идзаёй.

— Что вы, это Коносукэ пришёл раньше, — ответил лис, склонив голову. — Господин Сёгудзи, ваш багаж готов?

— Да, мы можем отправляться, — мягко ответил Идзаёй.

— Тогда... — начал было Коносукэ.

— Погодите, мне нужно кое-что сделать, — прервал его Идзаёй.

— О, разумеется, господин, я подожду, — поспешно ответил лис.

Идзаёй кивнул и направился вглубь храма. Семья последовала за ним. Коносукэ, не понимая, что происходит, послушно пошёл следом. Они дошли до самого сердца святилища — к священному дереву, которому поклонялись здесь сотни лет.

Идзаёй остановился на расстоянии и начал ритуал. Он медленно погрузился в медитацию, а затем, с каждым шагом приближаясь к дереву, которое едва могли обхватить десять человек, совершал всё более глубокие поклоны. Когда он оказался перед самым стволом, он опустился в глубоком поклоне.

Даже Коносукэ почувствовал, как храм словно пробуждается от долгого сна. Идзаёй, известный в кругах синтоистов, обладал силой, недоступной обычным жрецам. Когда он коснулся коры, в тишине святилища вдруг поднялся лёгкий ветерок. Древнее дерево зашелестело листвой, словно о чём-то беседуя со своим хранителем.

— Я буду навещать тебя, — тихо сказал Идзаёй, как старому другу. — Это мой дом, я обязательно вернусь.

Ветер усилился, разметав полы его каригину и длинные волосы, но белая бумага, скрывавшая лицо, лишь слегка дрожала.

— Конечно, со мной всё будет в порядке, — улыбнулся он.

Даже Кэнъити и Сакурако, выросшие здесь, никогда не видели ничего подобного. Все присутствующие почувствовали невероятное умиротворение, словно их коснулась сама божественная благодать.

Когда Идзаёй вернулся к ним, ветер стих.

— Ну что, пойдёмте, — сказал он.

У ворот Сакурако не выдержала. Она обняла дядюшку за шею и, сдерживая слёзы, прошептала:

— Дядюшка, я буду скучать.

— Всё хорошо, я буду выходить на связь по видео, не волнуйся, — он мягко похлопал её по спине.

— И если... если встретишь кого-то, кто тебе очень понравится... обязательно привези показать, — прошептала она ему на ухо.

Идзаёй понял её без слов.

— Хорошо, обязательно покажу, обещаю.

— Вот и славно, — Сакурако стало легче. Теперь она понимала, почему дядюшка так придирчив к её парню — он ведь сам был её «собственностью», и отдавать его кому-то было совсем не просто!

<http://bllate.org/book/20939/2122510>